

УДК 94(47).05 + 929.5
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-57-78

Сон фараона, или крах Кирилла Нарышкина, четвертого московского губернатора

Д. А. Редин

*Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

В статье осуществлена первая в историографии реконструкция персональной истории Кирилла Алексеевича Нарышкина. На протяжении первых полутора десятилетий XVIII в. Нарышкин успешно и эффективно руководил северо-западными уездами России в ранге обер-коменданта. Но после назначения в 1716 г. на должность московского губернатора карьера К. А. Нарышкина разрушилась. Служебные неприятности, напряженные отношения с Сенатом, преследование со стороны следственных и административных органов совпали по времени с личной драмой – смертью жены и серьезными имущественными потерями. Причины краха способного и энергичного управленца анализируются автором как в контексте общей административной ситуации эпохи, так и в русле сложившейся тогда системы неформальных связей в окружении царя Петра.

Ключевые слова

Кирилл Алексеевич Нарышкин, Александр Данилович Меншиков, государственное управление, Сенат, обер-комендант, губернатор, клиентела, неформальные сети доверия

Для цитирования

Редин Д. А. Сон фараона, или крах Кирилла Нарышкина, четвертого московского губернатора // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8: История. С. 57–78. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-57-78

The Pharaoh's Dream or the Collapse of Kirill Naryshkin, the Fourth Moscow Governor

D. A. Redin

*Institute of History and Archaeology UrB RAS
Ekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

For the first time in historiography the article reconstructs the personal history of Kirill Alekseevich Naryshkin. This research is based on the personal and private letters of Naryshkin to the Tsar and Prince Alexander Menshikov. The former are extracted from various documentary collections, first of all, "Letters and Papers of Peter the Great", the latter are found by the author in the Russian Archive of Ancient Acts and have not been studied before. The reconstruction is focused on the history of the career that was built by K. A. Naryshkin during the first one and a half decades of the 18th century. He successfully and efficiently ruled over the northwestern counties of Russia, solving the difficult tasks of endowing the Russian army, reorganizing garrison regiments, mapping and supervising fortifications on the adjoining lands of Ingria and eastern Estonia as a chief commandant (*ober-komendant*). However, after being appointed to the post of Moscow governor in 1716, the career of Naryshkin collapsed. Problems at work, tensions with the Senate, harassment by investigative and administrative authorities coincided with a personal drama – the death of his wife and serious property losses. The author both in the context of the general administrative situation of the era, and in line with the then established system of informal ties surrounded by Tsar Peter analyzes the reasons for the collapse of a capable and energetic manager.

© Д. А. Редин, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 8: History

Keywords

Kirill Alekseevich Naryshkin, Alexander Danilovich Menshikov, state administration, Senate, chief commander, governor, clientele, informal trust networks

For citation

Redin D. A. The Pharaoh's Dream or the Collapse of Kirill Naryshkin, the Fourth Moscow Governor. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 8: History, p. 57–78. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-57-78

И вот, вышли из реки семь коров, хороших видом и тучных плотию, и паслись в тростнике; но вот, после них вышли из реки семь коров других, худых видом и тощих плотию, и стали подле тех коров на берегу реки. И съели коровы худые видом и тощие плотию, Семь коров хороших видом и тучных.

Бытие. 41: 1–4.

Любой историк, обращающийся к «живому» архивному материалу, испытывает «комплекс Бобчинского». Это определение придумано П. Ю. Уваровым. Ученый таким образом охарактеризовал две взаимосвязанные вещи, возникающие у многих из нас при работе с историческими источниками: «...шок, вызванный осознанием, что перед тобой живой человек (автор исторического текста. – Д. Р.) ... рождающий стремление к максимально полному восстановлению этого человека» [Уваров, 2015. С. 12]. Вот это самое стремление к «восстановлению человека», дающее ощущение волшебства («Из миража, из ничего, / Из сумасбродства моего, / Вдруг возникает чей-то лик, / И обретает цвет и звук, / И плоть, и страсть»), является очень сильным побудительным мотивом для написания различных исследований биографического жанра. Ощущать себя волшебником приятно, даже лестно. Сообщить миру о том, что в таком-то городе жил (очередной) Петр Иванович Бобчинский, в какой-то мере даже благородно – вроде бы выполняешь миссию эстафеты поколений, не взирая на лица (антропологически ориентированной истории ценен всякий человек). Но будем откровенны – возникающий при этом вопрос: «зачем?» (на что обратил внимание и автор «комплекса Бобчинского»), явно или неявно смущает ум и душу и всякий раз требует, как говорят в театральной среде, «оправдания действия». Современные методологические подходы и направления в исторической биографии дают такой разнообразный и широкий спектр смыслов, доказывающих нужность жанра, что оправданий как будто и не требуется¹. Но это в теории, умозрительно. А когда речь заходит о конкретном случае, сколько ссылок на общие суждения о пользе реконструкций личных и неповторимых судеб ни давай, вопрос «зачем?» все равно не исчезает.

Взяться за реконструкцию биографии Кирилла Алексеевича Нарышкина меня побудила цепь обстоятельств. Первоначально он заинтересовал меня как чиновник местного звена управления и соответственно, персона, достойная внимания с точки зрения истории административных петровских реформ, которая многие годы находится в центре моих исследовательских интересов. Ознакомившись с комплексом писем К. А. Нарышкина, адресованных А. Д. Меншикову (1716–1723 гг.)², я понял, что в них много поучительного для изучения нюансов управленческой практики эпохи. Таким образом, исходно интерес заключался не в персоне Нарышкина как таковой, а в той информации, которая касалась обстоятельств действий Нарышкина – московского губернатора. Чтение писем выявило, что деятельность Ки-

¹ Из многообразной литературы, посвященной методико-методологическим возможностям и ограничениям использования биографического жанра в историческом исследовании, эмпирическим моделям построения исторических биографий, укажу лишь два современных сборника, в которых, на мой взгляд, все эти проблемы раскрыты в самом широком диапазоне: [История через личность, 2010; Theoretical Discussions of Biography Approaches, 2014].

² РГАДА. Ф. 198 (А. Д. Меншиков). Оп. 1. Д. 790 (Письма кн. Меншикову московского губернатора Кирила Нарышкина).

рилла Алексеевича на посту главы Московской губернии сложилась для него крайне неудачно, а это подвигло рассмотреть его служебную карьеру до назначения на губернаторскую должность. Вопреки ожиданиям, это оказалось не просто: цельной биографии моего героя в литературе обнаружить не удалось, хотя сведений о нем нашлось немало; примечательно, что и в этом случае основным массивом источников стали письма. Датированные 1704–1716 гг., они показали, что до злополучного назначения в руководители губернии административная карьера К. А. Нарышкина развивалась весьма успешно. И содержание, и тон писем, написанных «до» и «после», были таковы, что Нарышкин-функция стал под их влиянием превращаться для меня в Нарышкина-человека. Вопрос: «Что сломало карьеру?» начал переплетаться с вопросом: «Что надломило человека?» Семейные обстоятельства, имущественные дрязги, сети неформальных отношений оказались не менее важными и самоценными, чем история служебных назначений и размышления над объективными причинами удач и промахов в принятии административных решений. Стало ясно, что сюжет с К. А. Нарышкиным превращается в самостоятельный очерк в духе «персональной истории», выстроенный преимущественно на «персональных текстах» – частных и личных письмах героя³ и подразумевающий интерес к его личной жизни «и как главную цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того исторического социума», в котором эта жизнь протекала [Репина, 2010. С. 8]. Таким образом, предлагаемую статью возможно рассматривать и как один из опытов изучения «человека в ситуации», и как материал для более крупного просопографического исследования петровской элиты.

Получившаяся в результате персональная история Кирилла Нарышкина (разумеется, еще далекая от полноты и изобилующая недомолвками) стала первой более или менее последовательной биографией этого если не ведущего, то и не последнего деятеля петровского царствования. В ходе биографической реконструкции удалось уточнить, опровергнуть или дополнить ряд обстоятельств жизни не только главного героя повествования, но и людей, связанных с ним. А поскольку генерирование нового знания является одним из смыслов науки вообще, надо полагать, что и в этом отношении проделанная работа оказалась не бесмысленной.

Кирилл Алексеевич Нарышкин доводился троюродным дядей Петру I [Русская родословная книга, 1873. С. 239–241; Лобанов-Ростовский, 1895. С. 5–8]⁴, входя в ближнее родственное окружение русского государя. Будучи лишь немногим старше племянника⁵, он разделял с ним весь круг военных и административных забот, оказываясь среди близких сподвижников реформатора не только по родству, но и по роду деятельности.

Между тем информация о Кирилле Алексеевиче в специальной литературе крайне скучна. Помимо разрозненных и лаконичных упоминаний в различных изданиях мы имеем лишь одну небольшую статью, посвященную службе этого царедворца в 1704–1709 гг. [Славнитский, 2012. С. 269–274]. «Русский биографический словарь» дает о нем хотя и короткие, но наиболее связные сведения, отмечая основные вехи жизни и карьеры царского родственника. Участник Азовских походов 1695–1696 гг., псковский воевода в 1702–1704 гг., дерптский обер-

³ При всей условности внутренней границы я склонен различать частную и личную переписку [Редин, 2019. С. 116–127].

⁴ Отец Кирилла Алексеевича, стольник Алексей Фомич Нарышкин, был троюродным братом царицы Натальи Кирилловны, матери царя Петра. В ряде интернет-ресурсов К. А. Нарышкин ошибочно называется двоюродным братом Петра I.

⁵ Хотя точная дата рождения К. А. Нарышкина неизвестна, в сети можно встретить предположительную дату: 1670 г. При всей ненадежности подобного рода электронных источников эта дата может быть с осторожностью принята. Первое известное служебное назначение Кирилла Нарышкина – в комнатные стольники царя Петра Алексеевича (согласно статье в РБС), состоялось в 1686 г., т. е., когда ему шел или исполнился 16-й год, если считать годом его рождения 1670-й. Это близко к возрасту, когда служилые люди получали первое верстание. В 1708 г., в одном из писем царю [ПБП, 1951. Т. 8. Вып. 2. С. 811], Нарышкин вспоминал, что он находился в службе 26 лет. Если царедворец не ошибался, то тогда выходит, что в комнатные стольники он попал еще раньше, в 1682/3 г., в 12 или 13 лет, что тоже возможно. В любом случае К. А. Нарышкин был всего на два или три года старше своего царственного племянника.

комендантом в 1704–1710 гг., наконец – комендантом Санкт-Петербурга с 1710 г. – таким пунктиром обозначен его жизненный путь в первые десятилетия Петровского царствования [РБС, 1914. С. 88].

За бесстрастной констатацией словарной статьи скрывается напряженная работа, которую вел близкий кравчий⁶ Кирилл Нарышкин, в том числе в самые тяжелые годы Северной войны. Она наглядно раскрывается при знакомстве с теми поручениями, которые давал ему в то время венценосный племянник, особенно благодаря письмам Нарышкина Петру. Из этой корреспонденции, опубликованной в различных томах «Писем и бумаг Петра Великого» и других сборниках, можно достаточно подробно понять как характер и содержание службы Нарышкина, так и его взаимоотношения с царем в годы Великой Северной войны. Во время подготовки наступательной операции в Ингрии в начале XVIII столетия он оказался в свите Петра, разделяя с ним тяготы знаменитого похода по Государевой дороге на Нотебург в 1702 г. [Кротков, 1896. С. 186]. Был ли Нарышкин непосредственным участником отчаянного 13-часового штурма Нотебурга-Орешка, стоявшего полутора тысяч убитых и раненых с русской стороны – неизвестно. Во всяком случае, его участие в осадных мероприятиях несомненно. В числе ближайших конфидентов царя – А. Д. Меншикова, Ф. А. Головина, Г. И. Головкина, Н. М. Зотова, Кирилл Алексеевич осенью того же года руководил строительством больверков в новозавоеванной крепости [ПБП, 1889. Т. 2. С. 421], переименованной в Шлиссельбург, оставив свое имя одному из этих прибрежных бастионов. А годом позже близкий кравчий и псковский воевода в такой же роли проявил себя в сооружении первых укреплений Петропавловской крепости⁷ – «день ее закладки – 16 мая 1703 г. – стал первым днем существования нового города» [Базарова, 2003. С. 3], будущей российской столицы.

В 1704 г., после взятия Дерпта, Нарышкин получил должность обер-коменданта, оказавшись вместе с обер-комендантом Санкт-Петербурга Р. В. Брюсом в подчинении у А. Д. Меншикова (как губернатора Ингерманландской губернии). Территорию провинции Кирилла Алексеевича составляли Псков, Дерпт и Нарва с окрестами [Славнитский, 2018. С. 52]. Он отвечал за снабжение войск вооружением и боеприпасами, водным и сухопутным транспортом, за мобилизации и переброску армейских резервов и рабочих контингентов; организовывал и курировал фортификационные восстановительные работы в отбитых у шведов крепостях. В первый же год своего дерптского обер-коменданства кравчий успешно реорганизовал три стрелецких полка подчиненных ему гарнизонов в солдатские [Славнитский, 2018. С. 52].

Взятие нескольких крепостей в восточной Лифляндии не означало русского контроля над краем в целом. Шведские позиции оставались сильными. Ревель сохранялся в их руках, коммуникации с коронными землями были устойчивыми, а лояльность местного населения Дерптского уезда новой власти – сомнительной. Все это требовало от Нарышкина особой бдительности.

«Прикащиков здешнего уезду шведы в полон берут», – описывал ситуацию в Дерптском уезде в одной из декабрьских корреспонденций 1705 г. к царю Кирилл Нарышкин, – «и приводят их к вере (к клятве, к присяге. – Д. Р.), чтобы им сюда ни с чем не высыпать, и затем дают им пасы, и отпускают на прежние мызы. Также и пасторам велят чюхнам сказывать, чтобы они нас ни в чем не слушали, и розглашдают им, будто шведы будут к Юрьеву многолюдством, и Юрьев-де будет по-прежнему наш (т. е. шведский. – Д. Р.)» [ПБП, 1893. Т. 3. С. 1032].

⁶ РБС сообщает, что этот высокий придворный чин К. А. Нарышкин занимал в 1691 и 1692 гг. «Боярский список» 1700 г. показывает Нарышкина в чине кравчего и на 1700 г.: Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII в.» / Авт. б/д А. В. Захаров. URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=fond_all&id_fond=99&list=352&Query=%EE%E1%FE%E1%F4%F8+%F0%EF%E9%F3%EB (дата обращения 30.01.2020).

⁷ Как известно, один из бастионов крепости, выстрел из пушки на котором с 1865 г. возвещает полдень, носит имя Кирилла Нарышкина.

И эти шведские «разглашения» не были пустой похвальбой; в округе действовали достаточно крупные неприятельские отряды, причем иногда буквально под стенами Дерпта:

«Писал я Вашей милости сего месяца в 19 день», – продолжал обер-комендант в другом послании, – «что полковник Боркуз з брегадою стоял по Перновской дороге от Юрьева в 4-х милях... и... вышеписанные неприятельские люди ис того места перешли, и стоят от Юрьева в 2 милях и вербуют ис чюхнов в салдаты. И против сего числа в 5-м часу после полуночи подъезжали от них две роты к городу, и объехали по тем местам, где стояли преж сего наши отводные караулы, от города в версте <...> А подполковник Фрейман и трое маэров стоят меж Рижской и Печерской дороги в прежнем месте от Юрьева в 3-х милях, и чюхон к городу ни с чем не пропускают»⁸.

В такой обстановке Нарышкину приходилось принимать активные ответные меры: подчиненные ему гарнизонные части вели разведку боем, вступали в столкновения с различными шведскими отрядами из корпуса генерала А.-Л. Левенгаупта, брали языков и пленных [ПБП, 1893. Т. 3. С. 515, 921, 961; 1900. Т. 4. С. 250, 299, 427]. В ряде таких операций Кирилл Алексеевич принимал личное участие, выполняя еще одну важную работу: под его руководством велось картографирование отвоеванных у Стокгольма провинций [ПБП, 1893. Т. 3. С. 516, 961–963]. Изготовление «чертежей» с особым вниманием к системам речных коммуникаций и естественных препятствий («топких болот и озер») в первую очередь имело фортификационное значение, позволяло связать новоприсоединенные земли и северо-западные русские уезды в единый военный и транспортный узел.

Все это пригодилось уже в 1706 г., когда стало понятно намерение Карла XII развернуть основные силы против русской армии, перенести направление главного удара на российскую территорию с дальнейшим прорывом через Смоленск на Москву. После январской осады шведами Гродно, едва не стоившей гибели русской армии, и после разгрома союзных саксонцев в феврале при Фрауштадте Петр приказал отводить армию через Волынь на Киев. Русское командование сосредоточилось на подготовке к обороне своих западных границ [Бескровный, 1958. С. 196–198]. В исполнении этого трудоемкого плана самая непосредственная роль отводилась К. А. Нарышкину. Ему было поручено соорудить засечную линию между Псковом и Смоленском – колоссальный оборонительный рубеж, протяженностью свыше 400 км. Один из первых указов об этом обер-комендант получил от царя из Орши в последний февральский день 1706 г. В нем шла речь о том, что засеку необходимо устроить в самое кратчайшее время, не считаясь, по чьим землям она пройдет, мобилизуя для этого все окрестное население, как русских, так и польских уездов [ПБП, 1900. Т. 4. С. 107–108] и не тратя усилий на организацию завалов по непроходимым болотам. В начале апреля, уже в более спокойном тоне, в письме из Санкт-Петербурга, Петр I уточнил задачи Нарышкину: помимо собственно фортификационных работ последний должен был организовать оборону засечной черты, собрав и вооружив с помощью местных воевод, бурмистров и старост жителей окрестных населенных пунктов, «которыя б могли во время нужды стать на линии для обороны (не от стройнова войска, но от набегу)» [Там же. С. 205–206]. А в мае того же года, когда каролины вновь подошли к Дерпту, царскому кравчemu, как и год назад, вновь довелось во главе ополчения и вверенных гарнизонных частей взаимодействовать с генералом Р. В. Брюсом, чтобы «как возможно промышлять» против неприятеля. Опасаясь, что Нарышкин и Брюс, посланный к нему с сикурсом к Нарве, не справятся со всеми войсками Левенгаупта, царь обещал им подмогу из Польши [Там же. С. 250].

В июле 1707 г. Петр I утвердился в мысли об опасности масштабного шведского вторжения в Россию на северо-западном направлении⁹, приняв решение о необходимости подготовки укреплений Дерпта к уничтожению, держа это в тайне от местных жителей. Этими

⁸ Из письма К. А. Нарышкина Петру I от 21 декабря 1705 г. [ПБП, 1893. Т. 3. С. 1062].

⁹ См. на этот счет комментарий Е. В. Анисимова в «Биохронике Петра Великого (1672–1725 гг.)»: 29.01/09.02.1708, чт. П. в Вильно // URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/228570940> (дата обращения 07.01.2020).

планами царь поделился с К. А. Нарышкиным [ПБП, 1912. Т. 6. С. 12–13], на которого, как на местного обер-коменданта, возлагалась ответственность за их исполнение. В дальнейшем планы уточнялись: гарнизон Дерпта надлежало перевести в Нарву¹⁰, а жителей (вместе с жителями Нарвы) следовало выселить в Вологду. Поскольку всю операцию предполагалось провести в сжатые сроки, основную часть имущества депортированных обер-коменданта должен был принять на хранение в нарвскую ратушу под расписку [ПБП, 1918. Т. 7. Вып. 1. С. 37]. Указ о выселении дерпцев был объявлен магистрату и жителям города 12 февраля 1708 г., «причем стал для них полной неожиданностью» [Славнитский, 2012. С. 272]. Тем же числом датировано и письмо Нарышкина царю, в котором монарх извещался о выселении дерпских обывателей [ПБП, 1918. Т. 7. Вып. 1. С. 316]. Из этого можно заключить, что депортация началась немедленно после объявления указа. По свидетельству одного из высланных – дерпского пастора И. Г. Гратиана, на деле «зачистка» сопровождалась массовой конфискацией имущества горожан, в завладении которым, а также в особо жесткой организации высылки, ведущую роль играл обер-коменданта [Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, 1879. Т. 2. С. 478–490].

Обреченный Дерпт внезапно поставил перед Нарышкиным очень важный для его карьеры вопрос: какую должность дарует ему царь после завершения дерпского дела? В письме к Петру от 8 мая, когда в городе полным ходом шла эвакуация войск и артиллерии, а под укрепления закладывались пороховые заряды, Кирилл Алексеевич решился прямо выяснить свою дальнейшую судьбу:

«По взятие сей крепости (в 1704 г. – Д. Р.) указал Ваше величество быть мне обор-камендантом над Псковом и Дерптом, а ныне Дерпт велено разорить, а Псков приписан в губернию князя Александра Даниловича, а о мне, последнем рабе Вашем, никакова указу не предложено, где мне быть» [ПБП, 1947. Т. 7. Вып. 2. С. 670].

Этот сюжет представляется крайне любопытным с точки зрения административной практики петровской эпохи вообще. Связь комендантской (обер-комендантской) должности с крепостью пребывания оказывается в данном случае более чем очевидной (комендант как военно-административный руководитель укрепления), а тревога Нарышкина – понятной. Разрушение дерпской крепости лишало его не только резиденции, но и управлеченческих функций, по крайней мере части из них. Но отчего Нарышкина так взволновала приписка Пскова к Ингерманландской губернии? Ведь и Псков, и Дерпт, и отчего-то не упомянутая в цитированном отрывке Нарва и до 1708 г. входили в подчинение А. Д. Меншикова. Ответ на этот вопрос дают другие документы. Еще в марте того же года стало известно, что царь передал Псков в непосредственное ведение Я. Н. Римского-Корсакова, губернского ландрихтера. Об этом оба чиновника были уведомлены самим монархом еще в начале месяца, а 17 февраля, в письме Римскому-Корсакову, посланном через Ф. М. Апраксина, Петр уточнил, что Якову Никитичу следовало ведать во Пскове «земскими делами», по инструкции («пунктам»), данной ему светлейшим¹¹. Таким образом, дело было не в том, что Псков находился в прямом подчинении Меншикова, а в том, что непосредственное руководство Псковом и как крепостью, и как городом – центром уезда переходило ижорскому ландрихтеру, а Нарышкин терял над ним власть и как военный, и как гражданский администратор. Приведенная история лишний раз доказывает, что даже в приграничных областях России, там, где коменданты и обер-коменданты в первую очередь исполняли функции военных администраторов и командиров гарнизонов, они также оставались и гражданскими управляющими, подобно прежним городовым воеводам, на что обращал внимание еще П. Н. Мрочек-Дроздовский [Мрочек-Дроздовский, 1876. С. 47].

¹⁰ Судя по этим и дальнейшим действиям, Нарве отводилась роль крайнего северного узла обороны, прикрывавшего, одновременно, южные подступы к Санкт-Петербургу.

¹¹ Анисимов Е. В. Биохроника. 17.03.1708, ср., День св. Алексея. Тезоименитство царевича Алексея Петровича. П. в Нарве. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/228589541>; 17.04.1708, сб. П. в СПб. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/228686884> (дата обращения 06.01.2020).

Надо заметить, что, готовя дерптские укрепления к подрыву, а войска и артиллерию к эвакуации – как всегда деловито и расторопно, – Кирилл Нарышкин глубоко переживал не только за свое будущее. Явная досада прорвалась в одном из писем царю (от 6 июня) и по поводу утраты власти над войсками гарнизона, причем этот эмоциональный «выброс», столь не свойственный нарышкинской корреспонденции тех лет, оказался спровоцирован относительно незначительным поводом, вопросом, кому командовать подразделениями дерптского гарнизона во время их вывода из крепости?

«И по совершении в Дерпте дела, кем остатошни пушки весть, и мне с кем итить и где быть? Буде с фон Вердиным (генералом фон Верденом. – Д. Р.) итить, кому быть командиром?» – спрашивал не без обиды обер-комендант. «Прошу Вашего царского величества», – продолжал он, – «указу по милосердию Вашему. Я уже в службе при Вас, царского величества, 26 лет и здесь по указу Вашего величества 4 года, и командирован (т. е. командовал. – Д. Р.) семи (видимо – сими, т. е. этими. – Д. Р.) полками, которые по указу Вашего величества я набирал и строил сам. Во всем надежду мою полагаю на милосердие Вашего величества, чтоб от других не быть в обиде» [ПБП, 1947. Т. 7. Вып. 2. С. 811].

Уничтожение дерптской крепости, произведенное в середине июля 1708 г.¹², не привело, тем не менее, к резкому повороту в судьбе К. А. Нарышкина. Уже 18 июля царь писал ему в Нарву о своем намерении прибыть туда из Кроншлота¹³. Таким образом, бывший *дерптский* обер-комендант стал *нарвским*, с каковым званием мы и встречаем его в последующие годы. Соответственно, сохранился за ним и служебный статус, а документы последующих лет косвенно показывают, что и территории его ведения, включая Псков и Дерптский (Юрьевский) уезд, как будто осталась прежней.

Как известно, в дальнейшем основные военные действия развернулись гораздо южнее. Карл XII повел свою армию на Украину и его поход закончился Полтавой, полным разгромом шведских войск и бегством короля в Турцию. Тем не менее, на прибалтийском театре теперь уже нарвскому обер-коменданту хватало забот и в 1709 г., и позднее. Помимо традиционных усилий по организации разведки и борьбы с мелкими неприятельскими отрядами, о чем можно, например, узнать из писем Нарышкина царю, отправленных из Пскова и Нарвы в феврале и сентябре 1709 г. [Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах, 1893. № 59, 66], основной его задачей стало обеспечение корпуса фельдмаршала Б. П. Шереметева. Переброска части русских войск, начавшаяся после Полтавской победы в Лифляндию, знаменовала начало завершающего этапа завоевания Остзейских провинций. На сей раз перед Б. П. Шереметевым, его генералами, адмиралом Ф. М. Апраксиным стояла непростая задача взятия крупнейших городов края, располагавших сильными гарнизонами и имевших стратегическое значение, в первую очередь Риги и Ревеля. Разворачивание войск и их сосредоточение под Ригой ко второй половине 1709 г. было, говоря современным языком, сложной и трудоемкой логистической и мобилизационной операцией, организацию которой осуществлял обер-комендант Кирилл Нарышкин. В июле – сентябре 1709 г. по запросам фельдмаршала Нарышкин посыпал в действующую армию огромные обозы с артиллерией, боеприпасами и продовольствием. Поражает, с какой оперативностью и четкостью, можно сказать, с азартом нарвский обер-комендант умудрялся не только собирать необходимые ресурсы, но обеспечивать их транспортом, сопровождающими, снабжать последних продовольствием на время похода, вовремя все отправлять и давать обо всем подробный отчет

¹² Об этом как о свершившемся факте сообщали Петру I Р. Х. Боур и Ф. М. Апраксин в письмах от 21 и 22 июля 1708 г. [ПБП, 1951. Т. 8. Вып. 2. С. 455, 458]. Н. Р. Славнитский прямо указывает даты подрыва крепости: 15–16 июля [Славнитский, 2012. С. 273]. Из приведенных выше соображений следует, мимоходом заметить, что до июля 1708 г. К. А. Нарышкина корректнее именовать не нарвским, а дерптским обер-комендантом.

¹³ Анисимов Е. В. Биохроника. 18.06.1708, пт. П. у Кроншлота. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/228723847> (дата обращения 06.01.2020).

[Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах, 1893. № 61, 62, 64]. А ведь речь шла о срочных масштабных мобилизациях в условиях военной неразберихи.

Кроме забот по снабжению действующей армии Кирилл Алексеевич отвечал, как и прежде, за надзор над строительством и транспортировкой различных речных и морских судов, обеспечению транспортных коммуникаций, в том числе чрезвычайного характера [ПБП, 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 388–389, 398, 442, 447–448, 454]. В частности, в октябре – ноябре 1709 г. он организовал суда и конвой для встречи царя, возвращавшегося из Польши, по маршруту Дерпт – Нарва [Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах, 1893. № 66–68]¹⁴.

Вопреки сведениям, приведенным в упоминавшейся статье из «Русского биографического словаря», К. А. Нарышкин оставался на своем посту и после 1710 г., и не стал комендантом Санкт-Петербурга (тем более – первым). Хотя его деятельность в 1710–1716 гг. реконструируется весьма пунктирно, нет оснований сомневаться в том, что он не покинул обер-коменданскую должность в Нарве. Об этом свидетельствуют указы, направленные Петром I нарвскому обер-коменданту К. А. Нарышкину в июне 1712 г., и позже, в 1713 и 1714 гг. Круг его обязанностей остался прежним, сочетающим общедминистративные и военные функции. Он надзирает за деятельностью нарвских купцов (1712), обеспечивает поставки подвод для моряков, едущих в Ревель (1713)¹⁵, собирает провиант для воинских частей, следующих через подчиненные ему территории в действующую армию в январе 1714 г. [Славнитский, 2018. С. 55], а в мае – июне 1714 г. организует систему оповещения о действиях шведского флота между Нарвой и Ревелем [Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах, 1893. № 210–212].

Приведенная информация доказывает: хотя Кирилл Нарышкин не находился в действующей армии, он меньше всего походил на ленивого тыловика. Инициативный и неутомимый управленец, чей административный профиль выдавал в нем в первую очередь снабженца и фортификатора, он показал себя дальним организатором масштабных строительных и коммуникационных работ, человеком, способным в условиях острого дефицита времени и средств мобилизовать и перемещать в нужное место людские и материальные ресурсы, а при случае браться за шпагу и успешно руководить военными действиями. Судя по всему, царь был доволен своим родственником, порой прямо хвалил, обращаясь к нему за-просто: «Нег», «Min Her», иногда – «господин обор-камендант», подписываясь: «Piter», как он делал в корреспонденции с доверенными людьми, и вполне полагался на него во всех сложных делах. Неспроста, когда в руководстве Московской губернии разразился острый конфликт между губернатором А. П. Салтыковым и его влиятельным заместителем, вице-губернатором В. С. Ершовым, 29 января 1716 г. монарх принял решение:

«Между губернатора и вице-губернатора московских разыскать в их ссорах, а паче того смотреть, в чем они учинили повреждение и убыток государству, а между тем на время быть в Московской губернии губернатором Кириллу Нарышкину, а вице-губернатору старому» (цит. по: [Соловьев, 1997. С. 500–501])¹⁶.

Как видно из цитаты, у царя, вероятно, не было намерения переводить К. А. Нарышкина на эту должность на постоянную основу, хотя само по себе это решение свидетельствовало о монаршем доверии и уверенности в деловых качествах назначенца. Но обстоятельства сложились так, что служба Нарышкина в роли московского губернатора растянулась на три с лишним года. Об этом периоде жизни нашего героя в литературе почти ничего не известно.

¹⁴ В октябре 1709 г. Петр I прибыл из Киева в Торн (Торунь), где заключил новый союз с саксонским курфюрстом Августом, вернувшим благодаря Петру польский трон. Далее, через Мариенверден (Квидзын), Ригу, Дерпт и Нарву царь прибыл в Санкт-Петербург [Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, 1877. Т. 1. С. 290; ПБП, 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 388–389, 398, 442, 454].

¹⁵ Приношу искреннюю благодарность Е. В. Анисимову, оказавшему мне помочь в выяснении служебного статуса К. А. Нарышкина после 1710 г.

¹⁶ Запись об этом решении зафиксирована в описи сенатского архива: [Архив правительствуемого Сената, 1872. Т. 1. № 400].

Восстановить злоключения Кирилла Нарышкина в последние годы его жизни позволяют письма к А. Д. Меншикову, о которых говорилось в начале статьи.

К моменту назначения на новую должность Кириллу Алексеевичу должно было исполниться 46 лет, если брать за дату его рождения 1670-й год. У этого не молодого, по меркам времени, человека жизнь вполне состоялась. Обладая не самым высоким (полковничим) чином, он, тем не менее, входил в круг царских сподвижников, а по роду и месту деятельности обзавелся полезными связями и тесными отношениями с ближайшими конфидентами государя, в первую очередь со всесильным Меншиковым. Обер-комендант одной из ключевых провинций, пользовавшийся доверием государя¹⁷, благополучно женатый, Нарышкин был весьма состоятелен. Он относился к категории крупных вотчинников, сосредоточив в своих руках унаследованные и приобретенные земли в восьми уездах Центральной России, среди которых выделялись большие богатые села Покровское в Московском и Троицкое в Сузdalском уездах [Шватченко, 2002. С. 216], а также московские городские усадьбы и пригородные дворы. Одно из последних щедрых пожалований – 102 двора – было отписано ему по ордеру светлейшего князя Меншикова в Карелии [Чумиков, 1893. С. 106]¹⁸. Назначение на генеральскую должность руководителя богатейшей губернии страны, несомненно, могло рассматриваться как повышение и очередная веха в карьере. Обладая внушительным управленческим опытом и покровительством влиятельных патронов, К. А. Нарышкин, казалось, должен был без особых проблем справиться с новыми обязанностями. Однако уже в первых письмах, отложившихся в упомянутом архивном деле, заметно, что жизненные обстоятельства начали складываться против него.

Практически вся служебная деятельность К. Нарышкина, как было показано выше, протекала в северо-западных уездах страны и на новоприобретенных территориях в восточной Лифляндии. По словам самого коменданта, это длилось, без малого 15 лет¹⁹. Определение его к исправлению должности московского губернатора позволило, наконец, вернуться в родной город, где у Кирилла Алексеевича было родовое гнездо. Но именно здесь он пережил первую ощущимую потерю:

«При сем же к моему светлейшеству, премилостивейшему государю», – писал Нарышкин в одном из октябрьских (1716 г.) писем А. Д. Меншикову, – «о несносной своей сердечной печали болезненного моего сердца... объявляю, что минувшаго сентября 27 дня в 12-м часу по полуночи, супруга моя, Анастасия Яковлевна, от маловременной сей жизни отъиде в вечное блаженство»²⁰.

Анастасия Яковлевна, урожденная кнж. Мышецкая, судя по датам рождения детей, которых у четы было семеро, вместе с мужем переживала все тяготы переездов и службы прежних лет. Она скончалась вследствие последних тяжелых родов, произведя на свет дочь, названную Натальей [Лобанов-Ростовский, 1895. С. 9]. Лечивший роженицу доктор Н. Бидлоо, лейб-медик царя, прописал ей слабительное, чтобы унять родильную горячку («зночь», как называл в своем письме состояние жены Нарышкин). Болезнь и лечение начались 19 сентября²¹, после чего Анастасия Яковлевна прожила еще почти неделю. Но после прописанного снадобья «она отошла, и по отошении (Бидлоо. – Д. Р.) давал ей и крепительные лекарства, и потому припал жар, и потом скончалась», – заключал вдовец. Тема смерти жены – одна из сквозных в последующих письмах Кирилла Алексеевича вплоть до конца года; с ней он

¹⁷ Кроме прочего, о расположении царя свидетельствует и то, что 26 марта 1715 г. Петр I стал крестным отцом сына К. А. Нарышкина, о чем упоминает походный журнал за этот год [Походный журнал 1715 г., 1855. С. 55]. Вероятно, крестником был Иван – самый младший из сыновей Кирилла Алексеевича.

¹⁸ В этом пожаловании от 30 марта 1716 г. К. А. Нарышкин назван гофмаршалом.

¹⁹ Письмо А. Д. Меншикову от 7 декабря 1716 г.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 1.

²⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 4. Это точное сообщение опровергает дату смерти А. Я. Нарышкиной в 1722 г., распространенную на различных генеалогических сайтах.

²¹ Вероятно, сразу после родов. Если это так, то позволяет установить точную дату рождения младшего ребенка К. А. Нарышкина Натальи: 19 сентября 1716 г.

связывал и собственные недомогания, начавшиеся у него в ноябре ²². Этот человек, без малейших сетований и жалоб исполнявший сложнейшие служебные поручения в прежние годы и всегда бодро, обстоятельно и деловито рапортавший об их исполнении, как будто надломился, настолько меняются тон и содержание его реляций после злополучной осени 1716 г. Из всех писем, собранных в архивном деле, только в одном звучат радостные нотки, к чему располагало описанное в нем событие: помольвка Натальи Андреевны Арсеньевой, племянницы жены светлейшего, с флотским лейтенантом кн. Александром Андреевичем Черкасским, состоявшаяся 13 декабря 1716 г. в доме Аксиньи Михайловны Арсеньевой. Вместе с последней Кирилл Нарышкин благословил кн. Черкасского «образом, и подарили золотою парчою, которая куплена по 12 рублей за аршин, и пили, и ели, и повеселились все благополучно» ²³.

Больше поводов для веселья не было. Нарышкина, как в трясину, затягивали все новые неприятности. За время его многолетнего отсутствия в Москве нашлись люди, позарившиеся на имущество Кирилла Алексеевича. Так, летом – осенью 1716 г. Нарышкин начал хлопоты за возвращение двух загородных дворов, полученных в наследство от дяди, Кондратия Фомича. Ими завладел стряпчий Григорий Полибин, собиравший с них оброк, как якобы с отписанных на имя великой княжны Натальи Алексеевны, покойной к тому времени царской сестры. По какой-то причине Полибину покровительствовал могущественный князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский, глава зловещего Преображенского приказа. Посланные к нему с письменными объяснениями еще в июле – начале августа денщик Нарышкина и два солдата были взяты под арест, и новоиспеченный московский губернатор просил Меншикова о заступничестве ²⁴. Как покажет дальнейшее, история с двумя подмосковными дворами оказалась не самой худшей из имущественных проблем нашего героя.

Главная же угроза благополучному течению жизни таилась в новом назначении К. А. Нарышкина. Он принял должность в то время, когда система губернского управления, созданная в ходе так называемой первой областной реформы, зашла в тупик и показала свою не-пригодность. Начав реальную работу с 1711 г., губернские канцелярии с первых шагов своей деятельности оказались не в состоянии справиться с главными, поставленными перед ними задачами: наладить качественную мобилизацию людских и материальных ресурсов для воюющей армии и обеспечить надлежащую отчетность (ведение приходо-расходных книг и учет тяглого населения). Специально создаваемые учреждения, призванные поставить финансово-хозяйственную деятельность губернских администраций под контроль центра (комиссия кн. М. И. Вадбольского 1712–1713 гг. и Счетный приказ Ближней канцелярии Н. М. Зотова с начала 1714 г.), также не смогли составить полное представление о ресурсной базе губерний и улучшить ситуацию в сфере организации налогов и повинностей [Петровский, 1875. С. 278–280; Мрочек-Дроздовский, 1876. С. 345; Милюков, 1905. С. 307–311; Бабич, 2003. С. 98–100, 197–198]. Растущее в связи с этим раздражение царя крайне усилилось в связи с открытием им целой системы должностных злоупотреблений и хищений казенных средств, пронизавшей все уровни управления ²⁵, и вылилось в тотальное преследование виновных не только в служебных преступлениях, но и в «неисправлениях», т. е. ненадлежащем

²² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 10.

²³ Там же. Л. 14 – 14 об. Письмо к кнг. Дарье Михайловне Меншиковой от 14 декабря 1716 г. Судя по отчетству, невеста была дочерью Андрея Михайловича Арсеньева, одного из трех братьев упомянутых Дарьи Михайловны и Аксиньи Михайловны. П. Н. Петров, автор известного труда «История родов русского дворянства», писал, что Андрей Михайлович, как и его брат Иван «неизвестны были», и вместе с третьим братом, гофмейстером Василием Михайловичем, были бездетными [Петров, 1991. С. 186]. Но, как явствует из цитированного письма, у Андрея Михайловича была дочь, а самого его, вероятно, к 1716 г. не было в живых, поскольку роль посаженных отца и матери Натальи Андреевны «по должности своей» играли К. А. Нарышкин и А. М. Арсеньева, ее тетка.

²⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 1 – 2 об. Письмо А. Д. Меншикову от 7 октября 1716 г.

²⁵ Следует считать доказанным, что масштабы взяточничества и казнокрадства раскрыла перед царем финансовая служба – первое в истории России ведомство с «широкими контрольно-надзорными полномочиями» и «разветвленной сетью территориальных органов» [Серов, 2012. С. 161].

исполнении служебных обязанностей. Именно на 1713–1715 гг. приходится создание беспрецедентно жесткого законодательства, направленного против казнокрадов и взяточников²⁶; связанное с этим особое судопроизводство, развертывание сети розыскных «майорских» канцелярий – обособленных органов следствия по делам против интересов службы [Бабич, 2003; Серов, Федоров, 2016]; инстанций, контролирующих систему государственных закупок и финансовой отчетности, вроде Канцелярии подрядных дел (Подрядная канцелярия Г. И. Кошелева) и т. п. Параллельно с этим росла персональная ответственность руководителей губерний за сбор налогов и его документальное оформление. В 1712 г. губернаторов лично вызывали в Москву для отчета «по многим неисправностям»²⁷. В 1716 г. вместе с губернаторами за неприсылку денег в Адмиралтейство ставили на правеж вице-губернаторов и ландрихтеров²⁸. Распространенным наказанием за недоимки по сбору окладных денег в эти годы стало взыскание с руководства всех губерний прежде полученного жалованья²⁹.

Низкая эффективность работы губернских администраций, конечно, была связана и со служебными злоупотреблениями, и с недобросовестным отношением различных чиновников к своим обязанностям. Но главная проблема крылась в другом. Бесконечные преобразования, чрезвычайщина, свойственная петровскому времени, кадровые перетряски, противоречивые указания, катастрофический вал отчетности, малочисленные канцелярские штаты, подвергавшиеся постоянным изъятиям в пользу разнообразных вновь создаваемых структур, буквально парализовывали деятельность местного госаппарата. В таких условиях К. А. Нарышкин принял губернию. Не успев толком освоиться со сложным губернским хозяйством, пережив личную драму, занятый хозяйственными тяжбами, он получил еще одно тяжелое поручение. Вместе с несколькими другими губернаторами его призывали к надзору за осуществлением строительства новой гавани Кроншлотского форта на острове Котлин.

Масштабная реконструкция и расширение укреплений на острове, закрывавшем подступы к Санкт-Петербургу с моря, начатая в 1715 г., была одной из главных забот царя в эти и последующие годы. Фактически он был одним из разработчиков проекта реконструкции и держал работы под личным контролем. Строительство курировали ближайшие сподвижники Петра – А. Д. Меншиков и Ф. М. Апраксин, а непосредственное руководство оказалось в руках талантливого гидротехника, фортификатора и корабеля капитана первого ранга Эдварда Лейна. Обеспечение строительства гавани людьми и материалами по сложившейся традиции было возложено на губернию (6 из 10 существовавших на тот момент). Разделив между ними бремя обеспечения работ по долям, монарх потребовал личного присутствия губернаторов в Петербурге. На Московскую губернию выпала самая большая часть расходов: поставка рабочих людей и строительных материалов (камня и строевого леса) на 44,5 доли из 100 [Раздолгин, Скориков, 1988. С. 42].

В октябре, 28 числа, Кирилл Нарышкин получил сенатский указ за подписью сенатора Т. Н. Стрешнева, из которого следовало, что по царскому распоряжению ему надлежало быть «к самому зимнему первому пути, а именно декабря 25 дня» в Санкт-Петербурге «для строения у Кроншлота гавана». Отправив вперед «к тому гаванному строению для всякого управления» ландрата Михаила Арцыбашева, а спустя некоторое время второго ландрата, Григория Камынина, сам губернатор не спешил с отъездом. Дважды, 20 ноября и 7 декабря 1716 г. он просил А. Д. Меншикова ходатайствовать перед Сенатом об отсрочке, уверяя, что будет

²⁶ Самые известные в этом ряду указы: о введении смертной казни и конфискации имущества всем «повредителям интересов государственных» от 13 апреля 1713 г. (п. 4); о запрете под угрозой смерти, «шельмования» и конфискаций всех видов поборов с населения (определенный, между прочим, понятие преступного вообще) от 24 декабря 1714 г.; и о приравнивании «похищения казны» к кругу государственных преступлений (т.н. «третий пункт» «государева слова и дела») от 25 января 1715 г. [ПСЗ, 1830. Т. 5. № 2673, 2871, 2877].

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Л. 44 – 45 об.

²⁸ Там же. Л. 676–677.

²⁹ Там же. Кн. 46. Л. 533 об.; Кн. 60. Л. 371 – 371 об., 373 – 373 об.; Кн. 71. Л. 1265–1275; Кн. 154. Л. 793–794, 808.

в новой столице сразу же по прибытию туда государя³⁰. Свою просьбу он мотивировал затяжной болезнью, причиной которой стала смерть жены. Так ли обстояло дело или у Нарышкина были иные мотивы откладывать отъезд – неизвестно, но, судя по всему, его не было в Петербурге и 15 декабря (вопреки бытующей в литературе информации), когда вызванные губернаторы – азовский, архангелогородский и нижегородский собрались на Котлине [Раздолгин, Скориков, 1988. С. 41]³¹. Возможно, нежелание покидать первопрестольную было связано с опасениями служебного характера: дела по управлению в столичной губернии были запутаны еще предшественниками Нарышкина и разбираться с ними – а никто не слагал с Кирилла Алексеевича текущих обязанностей – он считал своей главной задачей. Конечно, в конце концов ему пришлось ехать к Кроншлоту; несколько лет спустя, подводя итог своего злополучного губернаторства, К. А. Нарышкин писал, что из трех с половиной лет пребывания в должности он прожил в Москве едва ли полгода³². Но и отсутствуя в старой столице, он старался не навлечь нареканий, взяв с собой в Петербург целый штат подьячих во главе с дьяком Ф. Ключаревым именно «для всяких губернских отправ». По свидетельству Нарышкина, по крайней мере в первый год пребывания на губернаторском посту, ему удалось избежать «неисправления губернского»: «...которой оклад по табелю положен на Московскую губернию в армию и во определенные места, и по оному окладу на 716 год из Московской губернии отправлено сполна и со излишеством, о чем в канцелярию Сената подано от меня доношения и табель, и к нему, господину полковнику Кошелеву, ведение», – писал Нарышкин своему светлейшему патрону 20 июля 1717 г.³³.

Несмотря на это, ни полковник Г. И. Кошелев, руководитель Канцелярии подрядных дел, ни собственно Сенат нарышкинских документов не принял. Возможно, упомянутые доношения и табель были составлены «не против образца»: отклонение от постоянно менявшихся форм отчетности могло быть достаточным основанием для браковки губернской «статистики» как таковой. А может, дело было в личной неприязни, которую мог по каким-то причинам питать к Нарышкину кто-то из сенаторов. Так или иначе, и у московского губернатора, и у всех его подчиненных изъяли жалование, полученное ими по окладам за 1716 г.³⁴. Но губернатора беспокоило не только несправедливодержанное жалование. Сенат, бескомпромиссно штрафовавший губернские администрации за ненадлежащее ведение дел, по сути, лишал эти администрации возможности осуществлять свои функции, забирая у них квалифицированных канцелярских работников для своих нужд. На московских подьячих и на дьяка Филиппа Ключарева, начальника Приказного стола губернской канцелярии, отвечавшего как за оформление всех финансовых дел, так и за непосредственный учет поставок припасов для строительства Кроншлотской гавани, имели виды и в Подрядной канцелярии, и собственно в канцелярии Сената. Опытных московских приказных забирали в центральный аппарат. К. А. Нарышкин тщетно взывал к покровительству кн. А. Д. Меншикова; не помогло и письменное обращение о заступничестве к государю, церемониально поданное через двухлетнего наследника престола царевича Петра Петровича в присутствии цесаревен и светлейшего 27 июня 1717 г.³⁵

³⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 10 – 10 об., 13 – 13 об.

³¹ Еще 14 декабря 1716 г. К. А. Нарышкин был в Москве. Именно оттуда он отправил А. Д. Меншикову письмо с сообщением об упоминавшейся выше помолвке Н. А. Арсеньевой с кн. А. А. Черкасским. Сомнительно, чтобы на следующий день московский губернатор сумел оказаться в Санкт-Петербурге, преодолев в санях за неполные сутки расстояние от 600 до 700 км. На этом собрании отсутствовали также казанский и сибирский губернаторы.

³² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 60.

³³ Там же. Л. 19.

³⁴ Там же. Л. 19. Об этом сообщил А. Д. Меншикову сам К. А. Нарышкин и, очевидно, нет оснований сомневаться в достоверности этой информации. В то же время следует отметить, что она противоречит сведениям от 4 марта 1717 г., зафиксированным в Архиве правительствуемого Сената: «О нештрафовании московского губернатора Нарышкина за неисправности в делах, относящихся до прежнего губернатора, и об освобождении людей его из-под караула» [Архив правительствуемого Сената, 1872. Т. 1. № 470].

³⁵ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 19 об.

Неудивительно, что если за 1716 г. Московская губерния с грехом пополам справилась с организацией возложенного на нее фискального задания и подала ведомости «о приходе разных зборов, так и о расходах в армию и во определенные места на все оклады», то 1717 г. заканчивался провальным. В письме от 6 января 1718 г. Нарышкин подробнейшим образом расписывал катастрофическое положение в губернской канцелярии. В результате кадровых изъятий в пользу Сената, чрезвычайных учреждений и естественной убыли (смерти), Приказный стол, важнейшее подразделение канцелярии, на котором лежал весь груз «губернских отправлений», оказался сильно ослаблен. Ситуацию не спасало и то, что в Московской губернии, в отличие от многих других, кадровая проблема как таковая стояла не так остро. В Москве, столичном городе, был сосредоточен мощный контингент приказных кадров и т.н. царедворцев³⁶, из которых власти формировали корпус управленцев центрального и местного аппарата. В распоряжение губернских властей попал штат ряда старых центральных ведомств – приказов, чья деятельность в дореформенный период сосредоточивалась, главным образом, на московском управлении, и некоторых приказов, созданных в первое десятилетие XVIII в.³⁷ Но проблема заключалась в том, что к финансовым делам годились не любые, а наиболее квалифицированные приказные, по сути, работники бухгалтерского профиля (пользуясь позднейшей аналогией).

«А которые и есть в губернии ныне дьяки и подьячие», – пояснял К. А. Нарышкин, – «и те на вышеписанные дела несведомы, потому что собраны к губернским делам из разных приказов и отправляют другие дела, опричь Приказного стола»³⁸.

Результат такого положения был вполне предсказуем: в губернских делах «учинилась остановка», что означало лишь одно: областная администрация действительно перестала справляться с выполнением своей важнейшей – хозяйственно-финансовой – функции. Вновь взыавая к Меншикову о посредничестве между ним и сенаторами, московский «командир», застрявший у злополучного «гаванного строения» в Петербурге, готов был уступить сенатским конторам любых комиссаров и дьяков взамен возвращения в губернскую канцелярию хотя бы Филиппа Ключарева³⁹.

Разрываясь между московскими и кроншлотскими делами, все чаще болея, не сумев наладить отношения с Сенатом, К. А. Нарышкин, судя по всему, стал нуждаться. В finale очередного письма с просьбой о выдаче жалованья («которое повелено мне выдать указом царского Величества, хотя и с великою убавкою»), он эмоционально восклицает: «Ей-ей, в сем имею себе великую крайнюю нужду!»⁴⁰. Такое положение едва ли может удивить, если вспомнить, что уже второй год Кирилл Алексеевич находился под следствием канцелярии кн. П. М. Голицына. Чиновнику вменялось в вину «самовольное установление губернского налога, использование работных людей на строительстве собственного дома» и, между про-

³⁶ Так к началу XVIII в. стали именоваться служилые люди московского списка. Это наименование впервые фиксируется источниками в 1670 г. [Правящая элита Русского государства, 2006. С. 455]

³⁷ В разные годы московской губернской администрации подчинялись Земский, Поместный, Провиантский и Ямской приказы, приказ Большого дворца [Мрочек-Дроздовский, 1876. С. 76–78].

³⁸ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 21 об. Письмо кн. А. Д. Меншикову от 20 июля 1717 г.

³⁹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 22. Филипп Авдеевич Ключарев, вероятно, в самом деле принадлежал к кругу высококвалифицированных приказных дельцов. Об этом косвенно, но убедительно свидетельствует его дальнейшая карьера. Дослужившись в последние годы жизни Петра Великого до ранга одного из сенатских обер-секретарей, а после смерти императора став коллежским советником и членом Камер-коллегии, он входил в различные комиссии, в том числе в состав Уложенных комиссий в 1720 и 1730 гг. [Бабич, 2003. С. 438]

⁴⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 42 об. Письмо А. Д. Меншикову от 22 ноября 1718 г. Примечательно, что выдачу жалованья за первую треть или за первую половину 1718 г. ему задержал санкт-петербургский вице-губернатор С. Т. Клокачев. Это вновь ставит вопрос о служебном статусе Нарышкина после 1716 г. Похоже, что отправляя губернаторскую должность, он по-прежнему оставался нарвским обер-комендантром, подчиняясь губернским властям Санкт-Петербурга. Жалование, установленное ему как одному из обер-комендантов Санкт-Петербургской губернии, может быть потому и оказалось после 1716 г. «с великою убавкою», что основной оклад он должен был получать как исправляющий должность губернатора из Сената. Если это так, то случай Нарышкина оказывается уникальным в своей абсурдности для административной практики даже петровского царствования!

чим, «присвоение имущества жителей завоеванного Дерпта» [Серов, Федоров, 2018. С. 71] – эпизод, всплывший из уже далекого 1708 г. Мне неизвестны следственные документы и течение самого дела, но результат его был плачевен: Нарышкина приговорили к разорительно-му штрафу. Конечно, его участь не сравнима с участью кн. М. П. Гагарина, А. Я. Нестерова или даже П. П. Шафирова, но и инкриминируемые ему преступления были несопоставимо меньше, хотя и квалифицировались, очевидно, как посягательства на «государев интерес»⁴¹. Так или иначе, но имущественному благополучию чиновника был нанесен очень крупный ущерб: 17 января 1719 г. он просил А. Д. Меншикова выдать подводы для поездки из Петербурга в Москву «для приготовления штрафных денег и для продажи в то число штрафных денег вотчин и московских своих дворов». Вместе с К. А. Нарышкиным возвращалась его походная канцелярия и служители, бывшие при кронштадтском строении⁴².

Карьера некогда безупречного администратора летела под откос. Именным указом от 8 апреля 1719 г. Кирилл Алексеевич был отстранен от должности губернатора⁴³. В конце марта или в начале апреля власть в Московской губернии перешла в руки бригадира И. Л. Воейкова, вновь назначенного вице-губернатора. В именном, данном из Сената, указе от 8 апреля 1719 г., утвердившем, среди прочего, Ивана Лукича вице-губернатором вместо В. С. Ершова и предписавшем «управлять ему в той губернии дела», о Кирилле Нарышкине не было сказано ни слова [ПСЗ, 1830. Т. 5. № 3344]⁴⁴. Однако это не помешало преследовать его за упущения по губернским делам. На сей раз несчастным Нарышкиным заинтересовалась новоучрежденная Канцелярия переписных дел, возглавляемая бригадиром В. Н. Зотовым⁴⁵, вскрывшая недоимки по рекрутским сборам, имевшиеся за Московской губернией. Кирилл Алексеевич был взят под арест в канцелярию, где содержался в очень суровых условиях не менее месяца: «...и от такого задержания, и от тяжкой сырости и духоты пребываю в тяжкой своей болезни, о чём и докторы, которые приезжают для лечения той моей болезни сказывают по признанию, что от такой сырости и духоты ползы никакой подать не могут...», – писал узник светлейшему князю в одном из писем от 21 мая 1719 г.⁴⁶

Похоже, что бедственное положение бывшего губернатора оживило охотников до его недвижимости. Последним аккордом в имущественных тяжбах нашего героя стал процесс, затеянный против него Плещеевыми в марте 1721 г. за вотчину Свиблово, ранее принадлежавшую этому роду. Из письма Нарышкина Меншикову от 16 марта 1721 г. явствует, что Плещеевы также претендовали на московский двор Кирилла Алексеевича⁴⁷.

⁴¹ Судя по указу Петра об отсрочке взимания штрафов, начисленных следственной канцелярией кн. П. М. Голицына, на К. А. Нарышкине числилось 10 000 руб. При этом собственно по дерптскому эпизоду ему инкриминировали совершенно пустяковые проступки: взятие с «дерптских жителей серебряной посуды 3 стаканчика, 6 ложек, стакан с крышкою, денег швецких на 10 рублей» (Анисимов Е. В. Биохроника. 14.04.1719, вт. П. в СПб. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/230686303> (дата обращения 10.01.2020)). Несомненно, десятитысячный штраф вменили бывшему дерптскому обер-коменданту не только за это, равно и не за сам факт подрыва Дерпта, который, как мы знаем, был осуществлен по царскому указу и, скорее, мог быть поставлен в заслугу Нарышкину. Но что в действительности послужило основанием преследования Нарышкина по дерптскому эпизоду, возможно понять только при обнаружении дополнительных документов.

⁴² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 50 – 50 об.

⁴³ Анисимов Е. В. Биохроника. 08.04.1719, ср. [П. в СПб.?]. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/230303174> (дата обращения 17.01.2020).

⁴⁴ М. В. Бабич приводит другую дату назначения И. Л. Воейкова на пост московского вице-губернатора: 24 марта 1719 г. [Бабич, 2003. С. 425]. Надо заметить, что в свое время И. Л. Воейков в качестве коменданта Дерпта был подчиненным К. А. Нарышкина [Славинский, 2018. С. 52].

⁴⁵ По злой иронии судьбы и этот офицер, как комендант Нарвы, подчинялся Нарышкину в бытность его обер-комендантом [Славинский, 2012. С. 270].

⁴⁶ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 61 об. Всего таких писем, в которых К. А. Нарышкин взыскивает с Меншикову о заступничестве, доказывает свою невиновность и просит хотя бы изменить ему меру пресечения, в деле сохранилось три (л. 52–60, 61–62, 63–64). Все они написаны из Москвы и датированы майскими числами.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790. Л. 69–70. В дополнение ко всем бедам, К. А. Нарышкин в 1719 г. попал под розыск следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова. Это можно понять по упоминанию резолюции Петра I на реестре дел о должностных преступлениях «в народном разорении» упомянутой канцелярии от 16 февраля 1720 г. Бывшему губернатору инкриминировалось «держание пришлых крестьян Свияжского уезда

Суровость, с которой преследовали К. А. Нарышкина, происходила от Сената и его учреждений. Уже упоминавшаяся статья в «Русском биографическом словаре» прямо сообщает, что «вскоре у него возникли пререкания с Сенатом и дело дошло до того, что по приказу Сената у Нарышкина были отписаны дворы и деревни...» [РБС, 1914. С. 89], хотя, как было показано выше, упомянутые конфискации состоялись не только в результате сенатских претензий, но и под давлением следствия канцелярии кн. Голицына. На настоящий момент неясно, кто именно из сенаторов и по каким причинам питал к нему неприязнь. Но о наличии такой, о несомненной предвзятости по отношению к этому управленцу, можно говорить вполне определенно. Дело в том, что за К. А. Нарышкина все-таки хлопотали, и, похоже, самыми деятельными его защитниками были А. Д. Меншиков и царица Екатерина Алексеевна. По свидетельству С. М. Соловьева, светлейший, пытаясь активизировать деятельность государыни через кабинет-секретаря Петра I А. В. Макарова, писал последнему в 1717 г.: «Просил нас слезно губернатор московский господин Нарышкин, что от господ сенаторов великие ему и несносные чинятся напрасные обиды, а именно, приказали у него отписать дворы и деревни безо всякой причины, будто за ослушание, а более злясь на него за бывшего губернатора Салтыкова; могу я истинно засвидетельствовать, что они его ругают напрасно; для Бога, приложите старание свое у её величества государыни царицы и у прочих, у кого надлежит, и учините ему вспоможение» (цит. по: [Соловьев, 1997. С. 501]).

Вероятно, заступничество возымело действие. Как уже упоминалось, в описи сенатского архива имеется запись о получении высочайшего указа от 4 марта 1717 г. «О нештрафовании московского губернатора Нарышкина за неисправности в делах, относящихся до прежнего губернатора, и об освобождении людей его из-под караула» [Архив правительствуемого Сената, 1872. Т. 1. № 470]. Примечательно, что этого решения удалось добиться в то время, когда и царь, и его супруга, и секретарь Макаров находились в большом европейском турне. Насколько действительно было это распоряжение, судить трудно, но очевидно, что поначалу Меншиков старался сделать кое-что для своего клиента. Правда, в целом светлейший сам по себе не очень подходил на роль непосредственного ходатая, поскольку речь шла в первую очередь о необходимости урегулирования отношений Кирилла Алексеевича с Сенатом. Между тем сам князь с сенаторами откровенно не ладил, вел себя с ними заносчиво, пытался многие вопросы решать через их голову и, по наблюдениям Н. И. Павленко, «не очень щадил самолюбие высших чиновников и разговаривал с ними в повелительном тоне» [Павленко, 1989. С. 79, 84]. Естественно, он считал такой стиль общения вполне приемлемым, рассматривая себя по праву вторым человеком в государстве и надеясь на неизменную поддержку царя.

Но в годы нарышкинского лихолетья было доверие Петра к своему любимцу стремительно убывало. «Самая могущественная некоронованная особа Европы», как характеризовал в 1710 г. Александра Даниловича английский посол в России Ч. Уитворт, на излете второго десятилетия XVIII в. сама погрязла в многочисленных проблемах, постоянно с 1714 г. находясь под следствием за финансовые махинации [Серов, 2007. С. 57]. Даже усердное участие Меншикова в деле царевича Алексея в 1718 г., которое, по мнению Н. И. Павленко, восстановило «особенную близость» между монархом и фаворитом [Павленко, 1989. С. 85], не располагало к активной защите московского губернатора. Розыск не просто поглощал много времени и сил. Он взбудоражил все петровское окружение, пропитал его страхом. Уж если под подозрения в государственной измене попадали такие люди, как П. М. Апраксин или кн. В. В. Долгоруков, до Нарышкина ли было! И уж вовсе стало не до Нарышкина в следующем, 1719 г., когда преследование Меншикова со стороны следственной комиссии кн. П. М. Голицына вынудило светлейшего спасать самого себя, напрямую взывая к царской милости

в Темниковской его вотчине» (Анисимов Е. В. Биохроника. 16.02.1720, вт. П. в СПб. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/235712473> (дата обращения 26.01.2020)). Подробности этого следствия остаются неизвестными ввиду утраты архива канцелярии Дмитриева-Мамонова в пожаре 1737 г. [Серов, Федоров, 2019. С. 185].

[Серов, Федоров, 2019. С. 137–138]. Примечательно, что дело князя оказалось объединено с нарышкинским в компетенции канцелярии кн. Голицына, и длилось и тогда, когда Кирилл Алексеевич томился (за другие провинности) в камере канцелярии В. Н. Зотова, и позднее. Мудрено ли, что А. Д. Меншиков даже на письма своего московского клиента отвечал редко и неаккуратно, на что последний горько сетовал в своих посланиях из узилища.

Какие-то благоприятные изменения в жизни незадачливого управленца наступили лишь в 1722 г., но о них можно судить в самых общих чертах за неимением пока достаточных источников. Известно, что высочайшим указом от 9 января 1722 г. Кириллу Нарышкину разрешили вернуться в Москву из деревни (где, видимо, ему следовало находиться после освобождения из-под ареста) [Архив правительства Сената, 1872. Т. 1. № 925]; 14 января, на праздник Обрезания Господня, его московский дом посетил государь [Походный журнал 1722 г., 1855. С. 24], а 28 января того же года, в ознаменование годовщины заключения Ништадского мира с Кирилла Алексеевича «сложили штраф», т. е. фактически амнистировали по обвинениям в злоупотреблении властью, расследовавшимся в канцелярии кн. П. М. Голицына [Архив правительства Сената, 1872. Т. 1. № 969]. Но годы мытарств и злоключений не прошли даром. В 1723 г. К. А. Нарышкин скончался.

Из реконструированной персональной истории Кирилла Нарышкина, наверное, можно извлечь много интересного. Но меня казус Нарышкина побуждает прежде всего к рассуждениям о судьбе управленца в эпоху Петровского царствования. Какими качествами и какими возможностями должен был обладать администратор того времени, чтобы удержаться на плаву в ситуации перманентных реформ, происходивших на фоне изнурительной войны и под руководством непредсказуемого в своих поступках монарха? Этот вопрос, как представляется, выводит нас на глобальную проблему технологии власти, качества администрирования в России первой четверти XVIII в.

Прежде всего, бросается в глаза то, что, став губернатором, Нарышкин столкнулся с двумя, как оказалось, непреодолимыми препятствиями: необходимостью решать одновременно несколько масштабных и разновекторных поручений, каждое из которых вынуждало его находиться в разных местах, и острым дефицитом квалифицированных кадров. Последнее особенно важно подчеркнуть: в условиях резкой бюрократизации управления любой администратор по определению был не способен исполнять возложенные на него поручения без надлежащего количественного и качественного обеспечения приказными кадрами. И в этом смысле и московский губернатор, и воевода какого-нибудь захолустья, вроде Верхотурья оказывались в равно отчаянном положении. Судя по всему, К. А. Нарышкин, дальний, распоропный и достаточно инициативный человек, столкнулся с ситуацией, совершенно незнакомой по прежней обер-комендантской службе, где ему довелось действовать на относительно локальной территории с четко ограниченным кругом целевых установок и опираясь на ресурсные возможности вверенных гарнизонов. Зависимость руководителя от наличия толкового и квалифицированного приказного аппарата усугублялась тем, что петровские администраторы в своей массе не были чиновниками. Они оставались проводниками царскойволи, если угодно, кураторами порученных участков работы, но мало что понимали в технике исполнительской работы, организации делопроизводства и бесконечных изменениях нормативно-законодательной базы.

В условиях кадрового дефицита и действий в режиме ситуативного управления огромное значение приобретали неформальные связи, включенность в них, прочное положение в хитросплетениях семейных и клановых отношений, в том числе и для упрочения кадрового потенциала своих канцелярий. У Кирилла Нарышкина были для этого хорошие исходные позиции: родство с царем и близкое знакомство с кругом влиятельных лиц, с которыми его свела война. Сработай все это в годы московского губернаторства, и Нарышкину сошли бы с рук и «губернские неисправления», и мелкие (на фоне масштабных хищений того времени) злоупотребления. Но, оказавшись после полутора десятков лет в родной Москве, Кирилл Алексеевич очутился в другой административной и клановой реальности, с гораздо более слож-

ной (формальной и неформальной) управлеченческой структурой и непонятной ему запутанной системой документирования управлеченческого процесса. Похоже, он попал в поле влияния каких-то иных клиентел, выстроенных вокруг Сената, в которые он не смог вписаться и с которыми не смог наладить контакт. Одновременно его прежние покровители, в первую очередь кн. А. Д. Меншиков, сами оказались ограничены в протекционистских возможностях в связи с развернувшейся и дискредитировавшей их кампанией по искоренению коррупции. Любопытно в этом отношении и то, что даже в худшие годы своей служебной карьеры К. А. Нарышкин не был вовсе изгнан из «широкого круга верных». Символические импульсы, подаваемые с самого верха, вроде включения в число судей по делу царевича Алексея в 1718 г. или рассмотрения кандидатуры Нарышкина в качестве одного из претендентов на должности герольдмейстера и рекетмейстера в 1721 г.⁴⁸, подтверждают этот факт. Но, судя по всему, общее благосклонное отношение монарха к персоне не служило гарантией благополучия. При всем всевластии царя (умевшего, кстати, отличать личную лояльность от служебной пригодности и добросовестности), реальное положение человека, видимо, в большей степени определялось его принадлежностью к локальной клиентарной сети («клиентеле грандов», «клиентеле герцогов» – если пользоваться аналогиями из французской историографии [Barbiche, Dainville-Barbiche, 1997; Boltanski, 2006; Béguin, 2012]⁴⁹) и влиятельностью последней. В противном случае Нарышкин не оказался бы затравлен сенаторскими придирками и частными исками конкурентов по недвижимости.

Наконец, надо принимать во внимание и личные моменты. Следует ли, например, недооценивать последствия смерти жены нашего героя, влияние этого обстоятельства на его дальнейшую карьеру?⁵⁰ Стоит ли считать последующие за этим болезни Нарышкина, упоминаниями о которых полны письма к Меншикову, мнимостью, поводом к уклонению от службы? Да и вообще болезни сами по себе, чем бы они ни были вызваны, усугубленные постоянным страхом попасть под «штрафование»⁵¹, ощущение беззащитности, череда неудач, имущественных потерь, положение подследственного, арест – все это вполне способно сломить человека, лишить его витальности, способности бороться. Сегодня мы бы назвали состояние, вызванное подобными событиями, хроническим стрессом и приняли бы во внимание, оценивая поступки того или иного современника. Почему же это не взять в расчет, анализируя историю Кирилла Нарышкина? Телесные и душевные недуги, индивидуальные переживания и семейные драмы как факторы социальной активности и карьерного продвижения – целое направление исследований, пока еще очень плохо реализованное в применении к российской истории.

Сошедшиеся в силу случая в одном месте и в одно время, все эти обстоятельства, подобно тощим коровам из фараонова сна, пожрали благополучие несчастного Кирилла Нарышкина, не худшего из администраторов петровского времени.

Список литературы

Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество XVIII века. М.: Новое лит. обозрение, 1999. 720 с.

⁴⁸ Анисимов Е. В. Биохроника. 28.01.1721 сб. П. в СПб. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/228473335> (дата обращения 26.01.2020).

⁴⁹ Приношу глубокую благодарность О. К. Ермаковой, познакомившей меня с этой литературой.

⁵⁰ Потеря супруги, с которой была прожита долгая и непростая жизнь, оказывалась способной пошатнуть здоровье человека не только в наши дни. Аналогичная (хотя не отразившаяся на карьере) ситуация случилась, например, со старшим современником К. А. Нарышкина сенатором И. А. Мусиным-Пушкиным [Захаров, 2019. С. 1285].

⁵¹ В данном случае это разновидность того самого «государственного страха», о котором писал Е. В. Анисимов [1999]. Людей со слабой или нездоровой психикой он мог доводить до самоубийства [Каменский, 2019. С. 630–647].

Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с.

Базарова Т. А. Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб.: Наука, 2003. 310 с.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М.: Воениздат, 1958. 645 с.

Захаров А. Боярин и граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин: Записная тетрадь и новые документы // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 4. С. 1277–1298.

История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. 720 с.

Каменский А. Государственный страх, или случай майора Апухтина // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 2. С. 630–647.

Кротков А. С. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 г. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1896. 217 с.

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Изд-е 2-е. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1895. Т. 2. 481 с.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 702 с.

Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. М.: Тип. Моск. ун-та, 1876. Ч. 1: Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 г.): историко-юридическое исследование. 350 с.

Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М.: Наука, 1989. 198 с.

Петров П. Н. История родов русского дворянства. Репринт: В 2 т. М.: Современник, 1991. Т. 2. 319 с.

Петровский Т. О Сенате в царствование Петра Великого. М.: Тип. Моск. ун-та, 1875. 357 с.

Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 548 с.

Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л.: Стройиздат, 1988. 420 с.

РБС – Русский биографический словарь. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1914. Т. 11: Нааке-Накинский – Николай Николаевич Старший. 388 с.

Редин Д. А. Русская административная история Нового времени и неофициальная переписка: источниковедческие размышления // Новое прошлое. 2019. № 3. С. 116–127.

Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях. Вместо предисловия // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М., 2010. С. 5–16.

Русская родословная книга / Сост. М. И. Семевский. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1873. 388 с.

Серов Д. О. Администрация Петра I. М.: ОГИ, 2007. 288 с.

Серов Д. О. Фискальская служба и прокуратура России в первой трети XVIII в. Saarbrücken: Palmarium Academic Publ., 2012. 456 с.

Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. М.: Юрист, 2016. 364 с.

Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2019. 432 с.

Серов Д. О., Федоров А. В. Следователи Петра Великого. М.: Мол. гвардия, 2018. 348 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Голос, Колокол-Пресс, 1997. Кн. 8. Т. 16. 688 с.

Славнитский Н. Р. Кирилл Алексеевич Нарышкин в период своей деятельности на посту нарвского обер-коменданта в 1704–1709 гг. // Петровское время в лицах – 2012. СПб., 2012. С. 269–274.

Славнитский Н. Р. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны // Петерб. ист. журн. 2018. № 2. С. 50–59.

Уваров П. Ю. Апокатастасис, или основной инстинкт историка // Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015. С. 10–32.

Чумиков А. Русские землевладельцы в Старой Финляндии // Русский архив. 1893. Кн. 1. С. 99–114.

Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2002. 391 с.

Barbiche B., Dainville-Barbiche S. Sully: l'homme et ses fidèles. Paris, Fayard, 1997, 698 p.

Béguin K. Les princes de Condé: rebelles, courtisans et mécènes dans la France du Grand siècle. Seyssel, Champ Vallon, 2012, 457 p.

Boltanski A. Les ducs de Nevers et l'état royal: genèse d'un compromis (ca 1550 – ca 1600). Genève, Droz, 2006, 580 p.

Theoretical Discussions of Biography Approaches from History, Microhistory and Life Writing. Ed. by H., Renders B. de Haan. Leiden, Boston, Brill, 2014, 273 p.

Список источников

Архив правительствуемого Сената / Сост. П. Баранов. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1872. Т. 1. Опись именным Высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого. 1704–1725. 198 с.

ПБП – Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Гос. тип., 1889. Т. 2. 726 с.; 1893. Т. 3. 1065 с.; 1900. Т. 4. 519 с.; 1912. Т. 6. 625 с.; Пг.: Первая гос. тип., 1918. Т. 7. Вып. 1. 640 с.; М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 7. Вып. 2. 1710 с.; М.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 9. Вып. 1. 526 с.; 1951. Т. 8. Вып. 2. 1179 с.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канц., 1830. Т. 5. 780 с.

Походный журнал 1715 г. СПб., 1855. 80 с.

Походный журнал 1722 г. СПб., 1855. 194 с.

Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига: Тип. А. И. Липинского, 1877. Т. 1. 525 с.; 1879. Т. 2. 595 с.

Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (Документы Государственного архива) // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Т. 5. 466 с.

References

Anisimov E. V. Dyba i knut: Politicheskii sysk i russkoe obshchestvo XVIII veka [Rack and the Whip: Political Investigation and Russian Society of the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1999, 720 p. (in Russ.)

Babich M. V. Gosudarstvennye uchrezhdeniya XVIII veka: Komissii petrovskogo vremeni [State Institutions of the 18th Century: The Commissions of the Petrine Time]. Moscow, ROSSPEN, 2003, 480 p. (in Russ.)

Barbiche B., Dainville-Barbiche S. Sully: l'homme et ses fidèles. Paris, Fayard, 1997, 698 p.

Bazarova T. A. Plany petrovskogo Peterburga: Istochnikovedcheskoe issledovanie [Plans of St. Petersburg: Source Study]. St. Petersburg, Nauka, 2003, 310 p. (in Russ.)

Béguin K. Les princes de Condé: rebelles, courtisans et mécènes dans la France du Grand siècle. Seyssel, Champ Vallon, 2012, 457 p.

Beskrovny L. G. Russkaya armiya i flot v XVIII veke. (Ocherki) [The Russian Army and Navy in the 18th Century. (Essays)]. Moscow, Voenizdat, 1958, 645 p. (in Russ.)

Boltanski A. Les ducs de Nevers et l'état royal: genèse d'un compromis (ca 1550 – ca 1600). Genève, Droz, 2006, 580 p.

Chumikov A. Russkie zemlevladeltsy v Staroi Finlyandii [Russian Landlords in Old Finland]. *Russkiy arkhiv [Russian Archive]*, 1893, no. 1, p. 99–114. (in Russ.)

Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya [History through Personality: Historical Biography Today]. L. P. Repina (ed.). 2nd ed. Moscow, Kvadriga, 2010, 720 p. (in Russ.)

Kamensky A. Gosudarstvennyi strakh, ili sluchai maiora Apukhtina [State Fear, or the Case of Mayor Apukhtin]. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 2, p. 630–647. (in Russ.)

Krotkov A. S. Vzyatie shvedskoi kreposti Noteburg na Ladozhskom ozere Petrom Velikim v 1702 g. [The Capture of Sweden Fortress Noteburg on Ladoga Lake by Peter the Great in 1702]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva, 1896, 217 p. (in Russ.)

Lobanov-Rostovsky A. B. Russkaya rodoslovnaya kniga [Russian Ancestry Book]. 2nd ed. St. Petersburg, Izdaniye A. S. Suvorina, 1895, vol. 2, 481 p. (in Russ.)

Milyukov P. N. Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo [The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reform of Peter the Great]. 2nd ed. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1905, 702 p. (in Russ.)

Mrochek-Drozdovsky P. N. Oblastnoe upravlenie Rossii XVIII v. do uchrezhdeniya o guberniyakh 7 noyabrya 1775 g. [Russian Regional Administration System before Establishing Provinces on the 7th November 1775]. Moscow, Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1876, pt. 1. Oblastnoe upravlenie epokhi pervogo uchrezhdeniya gubernii (1708–1719 g.): istoriko-yuridicheskoe issledovanie [Regional Administration in the Period of the First Reform of Provinces (1708–1719): Historical and Legal Research], 350 p. (in Russ.)

Pavlenko N. I. Aleksandr Danilovich Menshikov [Alexander Danilovich Menshikov]. Moscow, Nauka, 1989, 198 p. (in Russ.)

Petrov P. N. Istoriya rodov russkogo dvoryanstva [History of Russian Noble Families]. Repr. Moscow, Sovremennik, 1991, vol. 2, 319 p. (in Russ.)

Petrovsky T. O Senate v tsarstvovanie Petra Velikogo [About the Senate during the Reign of Peter the Great]. Moscow, Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1875, 357 p. (in Russ.)

Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII v.: Ocherki istorii [The Ruling Elite of Russian State from the 9th – Early 18th Century: Essays on History]. A. P. Pavlov (ed.). St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2006, 548 p. (in Russ.)

Razdolgin A. A., Skorikov Yu. A. Kronshtadtskaya krepost' [Kronshtadt Fortress]. Leningrad, Stroyizdat, 1988, 420 p. (in Russ.)

Redin D. A. Russkaya administrativnaya istoriya Novogo vremeni i neofitsial'naya perepiska: istochnikovedcheskie razmyshleniya [Russian Administrative History of the Modern Times and Unofficial Correspondence: Source Analysis]. *Novoe proshloe [The New Past]*, 2019, no. 3, p. 116–127. (in Russ.)

Repina L. P. Lichnos't i obshchestvo, ili istoriya v biografiyakh. Vmesto predisloviya [Personality and Society, or History through Biographies. Instead of Introduction]. In: Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya [History Through Person: Historical Biography Today]. L. P. Repin (ed.). 2nd ed. Moscow, 2010, p. 5–16. (in Russ.)

Russkaya rodoslovnaya kniga [Russian Genealogy Book]. M. I. Semevsky (comp.). St. Petersburg, Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1873, 388 p. (in Russ.)

Russkii biograficheskii slovar' [Russian Biographical Dictionary]. St. Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1914, vol. 11. Naake-Nakinsky – Nikolai Nikolaevich Starshii, 388 p. (in Russ.)

Serov D. O. Administratsiya Petra I [Administration of Peter I]. Moscow, OGI, 2007, 288 p. (in Russ.)

Serov D. O. Fiskal'skaya sluzhba i prokuratura Rossii v pervoi treti XVIII v. [Fiscal Service and the Prosecutor's Office of Russia in the First Third of the 18th Century] Saarbrücken, Palmarium Academic Publ., 2012, 456 p. (in Russ.)

Serov D. O., Fedorov A. V. Dela i sud'by sledovatelei Petra I [Cases and Destinies of Peter I's Investigators]. Moscow, Yurist, 2016, 364 p. (in Russ.)

Serov D. O., Fedorov A. V. Dela i sud'by sledovatelei Petra I [Cases and Destinies of Peter I's Investigators]. 2nd ed., rev. Moscow, Yurist, 2019, 432 p. (in Russ.)

Serov D. O., Fedorov A. V. Sledovateli Petra Velikogo [Investigators of Peter the Great]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2018, 348 p. (in Russ.)

Shvatchenko O. A. Svetskie feodal'nye votchiny Rossii v epokhu Petra I [Russian Secular Feudal Patrimonies during Petrian Era]. Moscow, Izdatel'stvo IRI RAN, 2002, 391 p. (in Russ.)

Slavnitskiy N. R. Funktsii komendantov i ober-komendantov krepostei v gody Severnoi voiny [Functions of Commandants and Ober-Commandants of Fortresses during the Northern War]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2018, no. 2, p. 50–59. (in Russ.)

Slavnitsky N. R. Kirill Alekseevich Naryshkin v period svoei deyatel'nosti na postu narvskogo ober-komendanta v 1704–1709 gg. [Kirill Alekseevich Naryshkin as Ober-Commandant of Narva in 1704–1709]. In: Petrovskoye vremya v litsakh – 2012 [Personalities from Peter the Great's Time – 2012]. St. Petersburg, 2012, p. 269–274. (in Russ.)

Solov'yev S. M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [History of Russia since Ancient Times]. Moscow, Golos, Kolokol-Press, 1997, book 8, vol. 16, 688 p. (in Russ.)

Theoretical Discussions of Biography Approaches from History, Microhistory and Life Writing. H. Renders, B.de Haan (eds.). Leiden, Boston, Brill, 2014, 273 p.

Uvarov P. Yu. Apokatastasis, ili osnovnoi instinkt istorika [Apokatastasis, or Historian's Basic Instinct]. Mezhdu "ezhami" i "lisami". Zametki ob istorikakh [Between "Hedgehogs" and "Foxes". Essays about Historians]. Moscow, 2015, p. 10–32. (in Russ.)

List of Sources

Arkhiv pravitel'stvyushchego Senata [Archive of the Ruling Senate]. P. Baranov (comp.). St. Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvyushchego Senata, 1872, vol. 1. Opis' imennym Vysochайшим ukazam i poveleniyam tsarstvovaniya imperatora Petra Velikogo. 1704–1725 [Inventory of Personal Highest Decrees and Orders of the Reign of Emperor Peter the Great], 198 p. (in Russ.)

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1889, vol. 2, 726 p.; 1893, vol. 3, 1065 p.; 1900, vol. 4, 519 p.; 1912, vol. 6, 625 p.; Petrograd, Pervaya gosudarstvennaya tipografiya, 1918, vol. 7, iss. 1, 640 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1947, vol. 7, iss. 2, 1710 p.; Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950, vol. 9, iss. 1, 526 p.; 1951, vol. 8, iss. 2, 1179 p. (in Russ.)

Pokhodnyi zhurnal 1715 g. [Daily Notes of 1715]. St. Petersburg, 1855, 80 p. (in Russ.)

Pokhodnyi zhurnal 1722 g. [Daily Notes of 1722]. St. Petersburg, 1855, 194 p. (in Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1830, vol. 5. 780 p. (in Russ.)

Sbornik materialov i statei po istorii Pribaltiiskogo kraya [Collection of Materials and Articles on History of Baltic States]. Riga, Tipografiya A. I. Lipinskogo, 1876, vol. 1, 525 p. (in Russ.)

Severnaya voina na Ingermanlandskom i Finlyandskom teatrakh v 1708–1714 gg. (Dokumenty Gosudarstvennogo arkhiva) [The Northern War on Ingermanland and Finland Theatres in 1708–1714 (Documents of the State Archive)]. In: Sbornik voenno-istoricheskikh materialov [Collection of Military Historical Documents]. St. Petersburg, 1893, vol. 5, 466 p. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию

Received

28.02.2020

Сведения об авторе

Редин Дмитрий Алексеевич – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия)

volot@mail.ru

Information about the Author

Dmitry A. Redin – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, Center of Social History, Institute of History and Archaeology UB RAS (Ekaterinburg, Russian Federation)

volot@mail.ru